

26.00.01 Теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-27-52

Д. В. Мухетдинов

Московский исламский институт, г. Москва,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ХУСАИНА ФАИЗХАНОВА

МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович —

д-р теологии, ректор.

Московский исламский институт
(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12);
проф. Восточного факультета.

Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена Хусаину Фаизханову (1823–1866) как исламскому теологу. Данная тема практически не затрагивалась в многочисленных публикациях о его творчестве — на передний план неизменно выходило его востоковедческое или педагогическое наследие. И это не случайно, так как специальных теологических работ ученый после себя не оставил. Тем не менее сложность задачи не освобождает нас от необходимости ее решения. Как будет показано далее, без понимания теологического измерения мысли Фаизханова упускаются и существенные аспекты его просветительской деятельности. Мыслитель предложил своеобразную теологическую легитимацию светского знания, которая была важна для него как в личном плане, так и в контексте социальной прагматики. Социальным следствием данной легитимации, отраженной прежде всего в проекте реформы религиозного образования, должно было стать формирование образованной мусульманской элиты современного типа.

Ключевые слова: таджид, реформа, джадидизм, халифат, секулярность, элита, знание.

Для цитирования: Мухетдинов Д. В. Теологическая легитимация педагогического проекта Хусаина Фаизханова // Ислам в современном мире. 2023; 3: 27–52;

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-27-52

Статья поступила в редакцию: 12.05.2023

Статья принята к публикации: 15.08.2023

«Мы возносим по степеням (мудрости) тех, кого пожелаем, и выше любого обладающего знанием есть более знающий»

(Коран, 12: 76)

«... нет ничего зазорного в хорошем отношении к своему учителю, может, это и на пользу пойдет. Однако вместе с тем не надо умалять достоинства другого учителя. Поскольку знание — река, и каждый может получать пользу. Сколько бы людей ни брали из нее, другим тоже остается. То есть если один, например, будет хорошо учиться и преуспеет в десяти науках, то второй может лучше освоить одну или две другие науки»

Х. Фаизханов. «Послание» («Рисала»)

§ 1. Общая экспозиция проблемы

Данная статья публикуется в Год педагога и наставника, утвержденный в честь двухсотлетия выдающегося российского теоретика образования и одного из создателей научной педагогики К. Д. Ушинского (1823–1871). Хусаин Фаизханов (1823–1866)¹, о котором пойдет речь далее, с его пристальным вниманием к народным потребностям и принципам, лежащим в основании продуктивной образовательной системы, без какого-либо преувеличения может быть символически наречен «татарским Ушинским».

Образованность — это индивидуальная культура, не сводимая к массову усвоенной информации. Образование продолжается в течение

¹ Как было установлено в ходе анализа ревизских сказок, частое упоминание 1828 г. как года рождения ученого является результатом ошибки. См. объяснение в 1-й главе монографии: Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В., Сенюткина О. Н. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар. Н. Новгород: Махинур, 2006.

всей жизни, каждому из этапов которой соответствует своя основная образовательная доминанта, связанная с психологическими и жизненными в целом особенностями соответствующего возраста. По-настоящему образованный человек умеет быть постоянно вовлеченным в образовательный процесс. Именно таким был Хусаин Фаизханов — выдающийся татарский педагог-просветитель и ученый, первый российский мусульманин, не отказавшийся от ислама и ставший при этом частью академической среды. Мы убеждены, что развитие Фаизханова в научной сфере закономерно вытекало из того отношения к знанию¹, которое, на его взгляд, было присуще самой исламской дискурсивной традиции.

Другими словами, мы утверждаем, что во всех своих ипостасях Фаизханов продолжал осмысливать проблемы в перспективе исламской теологии², но отвергал при этом наличие какого-либо противоречия между историко-критическим методом современной ему науки и религиозной идентичностью мусульманина, знанием и верой³. Более того, он не просто отвергал подобное противоречие, но и само приобретение знания, включая знание светской науки, получившей развитие в европейской культуре, видел как непосредственное выражение ценностных установок ислама. Достижение знания рациональных наук, согласно Фаизханову, имеет собственное религиозное обоснование и внутреннюю религиозную целесообразность. Об этом и пойдет речь в нашей статье.

Отметим, что, называя Фаизханова мыслящим как исламский теолог, мы имеем в виду его религиозные размышления над местом секулярного общенаучного знания в рамках исламского подхода, которые сопровождались острым осознанием исторического долга перед единоверцами и привели его к провозглашению необходимости формирования новой образованной мусульманской элиты (де-факто речь идет о теологе «нового типа»). Используя слово «теолог», мы подразумеваем, что он ведет речь об имеющем секулярный образ мысли исламском

¹ Об отношении исламской традиции к знанию см. классическую работу американского исламоведа Франца Розенталя (1914–2003): *Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе*. М.: «Наука», 1978.

² Разумеется, мы понимаем исламскую теологию не в точном соответствии с номенклатурой современных академических специальностей в России. Можно согласиться, что имеется устойчивая традиция говорить об «исламских богословах», но не о «теологах», хотя, по сути, это тоже внешнее по отношению к исламской традиции обозначение. Употребляя термин «теолог», мы хотим указать на то, что Фаизханов был далек от привычного для нашей литературы образа «исламского богослова», однако склонен к тщательному осмыслению ключевых мировоззренческих проблем (таких как отношение знания и веры, традиционного и нового, народа и общины и т. д.) с религиозной точки зрения в соотношении с основными идеями исламской традиции. Новый термин позволяет нам маркировать то обстоятельство, что в контексте развития культуры российского мусульманства Фаизханов оказался религиозным мыслителем нового типа.

³ Это не значит, что все исламские теологи на протяжении истории, как правило, разделяли данную установку. Это значит, что сам Фаизханов нашел такой образец теологической мысли, который не противоречил для него мысли научной в нововременном смысле слова.

духовенстве и о секулярной интеллигенции, сохраняющей мусульманскую идентичность и способной к продолжению исламского дискурса. Именно они, согласно Фаизханову, должны составить будущую элиту российских мусульман — элиту¹, воплощающую интеллектуальные и духовные свершения эпохи.

Ранее мы уже отмечали в другом месте, что «мусульманская религия стала определяющим фактором формирования его мировоззрения»². Это связано как с семейным окружением — глубоко религиозным (и в этом отношении достаточно типичным) татарским крестьянством Нижегородчины³, так и с начальным исламским образованием в медресе родного села Сафаджай, которое он продолжил в медресе у Абдаррахима ал-Бараскави в заказанском ауле Бараска. После этого Фаизханов учился в двух довольно престижных в региональном масштабе медресе — при 2-й и при 6-й Казанских мечетях. Как известно, после этого, желая расширить и углубить свои знания в области религии, он решает продолжить образование у Ш. Марджани (1818–1889), на тот момент только что вернувшегося в Казань после одиннадцатилетнего странствия⁴ и назначенного имамом-муддарисом 1-й Казанской Соборной мечети.

Хусаин Фаизханов был плоть от плоти сыном своего народа, что не только не помешало ему в дальнейших научных изысканиях, но и помогло при решении некоторых исследовательских задач в области этнографии, археологии, лингвистики⁵, истории, которые не удавалось решить российским ученым того времени. Его традиционная исламская подготовка, вне всяких сомнений, помогала ему при расшифровке многочисленных документов по заданию Академии наук, включая документы непосредственно религиозного содержания⁶. Погружение Фаизханова в среду, европейски образованную, начавшееся со знакомства с выдающимся российским востоковедом, деканом 1-го отделения Философского факультета Казанского университета и заведующим

---

¹ Фаизханов был крайне внимателен к структуре общества, выделяя, в частности: *кара-халык* (чернь), *авыл-халык* (селяне), *халык*, *аввам*, *кабийлат*, *та ифа* (народность), *ахл* (в смысле гражданской принадлежности), *миллет мухаммадиййа*, *умма исламиййа*.

² Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. С. 30.

³ Село Сабачай Курмышского уезда Симбирской губернии, ныне — д. Красная горка, Пильнинского района Нижегородской области. Подробнее о родных местах и роде Фаизханова см.: Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. С. 31–34.

⁴ В ходе которого Ш. Марджани получил фундаментальное исламское образование в Бухаре и Самарканде, а потому не понаслышке знал о внутренних проблемах и ограниченности схоластического метода обучения.

⁵ Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов и развитие исторической лингвистики // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3(73). С. 34–43.

⁶ Фаизханов сам подчеркивал, сколь сильно в научной деятельности и в разработке реформы образования помогало ему знание родного языка и традиционных источников.

кафедрой арабской и персидской словесности Восточного разряда А. К. Казембеком в 1848 г.¹ и продолжавшееся всю жизнь, привело его не к отказу от исламского дискурса², а к его переосмыслению. Этапом на этом пути стал для него переезд в Санкт-Петербург во второй половине 1853 г.

Не случайно в своем историческом и педагогическом сочинении «Рисала» («Послание») Фаизханов указывал на необходимость возрождения исламской учености, а неотъемлемым элементом этого процесса он считал динамику, которую исламской культуре (прежде всего — на интеллектуальном уровне) придает встреча с общенаучным знанием, производимым тогда прежде всего в западной (включая российскую) академической среде³. Вот как о намерениях Фаизханова, отраженных в его споре с противником изучения русского языка и обновления образования в целом, имамом села Кышкар Исмаилом б. Мусой, пишет в своем биобиблиографическом словаре «Вафиййат ал-аслаф» Ш. Марджани:

«Это всего лишь средство, чтобы добиться разрешения со стороны государства. А цель — это возрождение ныне утраченных и позабытых наук. Вместе с тем назрела великая потребность, даже необходимость, в знании русского языка, ведь все наши дела связаны с этим государством»⁴.

Примечательно, что, передавая рассказ Фаизханова, в арабском оригинале сочинения Марджани использует слово *ихйа* («возрождение», «реконструкция», «воскрешение»), явным образом отсылая к знаменитому произведению Абу Хамида ал-Газали (1058–1111) «*Ихйа' улум ад-дин*»⁵, которого последователи провозгласили обновителем веры

¹ Важно отметить, что это знакомство состоялось еще до знакомства с Марджани. Именно Казембек, по всей видимости, оказал наибольшее влияние на решение Фаизханова продолжить интеллектуальное становление именно в Санкт-Петербурге, куда известный востоковед был переведен в 1849 г. на освободившееся место заведующего кафедрой персидской словесности, а не в Бухаре, об упадке науки в которой он был наслышан от Марджани. От поездки в Санкт-Петербург последний, как известно, Фаизханова отговаривал. См. подробнее историю их творческого взаимодействия в нашей статье: Мухетдинов Д. В. Х. Фаизханов и его взаимоотношения с А. К. Казембеком и Ш. Марджани: опыт переосмысления // Ислам в современном мире. 2023; 1. С. 27–46.

² Что видно из его многолетней переписки с Марджани, в которой Фаизханов рассуждает, в частности, о таких религиозных проблемах, как проблема халифата, фикх классических мазхабов, опечатки в изданиях Корана и т. д.

³ См. о восхищении Фаизханова организацией университетских библиотек в Европе: Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани; ред.-сост. Д. В. Мухетдинов. 2-е изд. испр. и дополн. М.: ИД «Медина», 2018. С. 73.

⁴ Марджани, Шихабутдин. Мулла Хусаин Фаизхан: биографический очерк / сост. и глав. ред. Д. В. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 93–94.

⁵ На это же произведение Фаизханов ссылается в контексте своих размышлений о дозволенности изучения русского и других языков «немусульманских народов». См.: Фаизханов Х. Послание (Рисала) // Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. С. 253.

(муджаддид)¹. Не менее примечательно и то, что Марджани называл Фаизханова знатоком фикха (*права*) и *уsul ал-фикха*. Приведем обширную цитату полностью:

«[Хусаин Фаизханов был человеком] *благонравным, чистосердечным, проницательным, высоких идеалов, умным, досточтимым, науученейшим мужем, тонким и глубоким исследователем и мыслителем, обладающим врождённым талантом, писателем хорошего слога, лектором, а также заядлым книжечеем и библиоманом. Он был знаком с сочинениями классиков и немало пользы в них почерпнул; хорошо разбирался в летописях, в мировой истории и обстоятельствах жизни правителей, а также был знатоком фикха и его основ*»².

Как мы видим, Марджани неизменно отмечает глубокие религиозные познания и энтузиазм Фаизханова. Последний вернулся к идее знания как организующей исламскую цивилизацию — именно «торжество знания», если использовать знаменитое выражение Ф. Розенталя (1914–2003), обеспечило расцвет исламской цивилизации, а упадок открытой научно-философской культуры, наиболее зримо проявившийся в возвышении каламистской «схоластики»³ и закрытии «врат *иджтихада*», положил начало цивилизационному закату. Фаизханов вернулся к этой идее для того, чтобы продолжить дело великих предшественников, включив российских мусульман в число творцов мирового культурного контекста.

Для того чтобы знание стало действенным — как на уровне овладения конкретными сведениями, так и на уровне укоренения познавательной культуры в целом, — было необходимо создать канал приобщения к знанию. Проще говоря, была нужна образовательная реформа. В самом пристальном внимании к образованию проявилась по-настоящему *джадидская* установка мыслителя, а именно: отношение к культуре как к своего рода образовательному пространству в целом. Совершенствование этого пространства Фаизханов связывал прежде всего с развитием непосредственно образовательных институций. И в этом, как мы указывали ранее, он видел свой религиозный долг: *религиозный*, поскольку для него само существование разных народов и их процветание было богоугодным и религиозно оправданным делом.

¹ Стоит отметить, что ал-Газали первым из выдающихся представителей исламской традиции сам назвал себя *муджаддидом*. Подробнее о нем как обновителе см.: Мухетдинов Д. В. Теология обновления: исламский неомодернизм и проблема традиции. М.: ИД «Медина», 2023. С. 83–105.

² Марджани, Шихабутдин. Мулла Хусаин Фаизхан: биографический очерк. С. 89.

³ При этом, в отличие от Марджани, резко критиковавшего калам, Фаизханов считал его на современном этапе скорее безвредным, а основную проблему видел в придании ему чрезмерной значимости и в лишней трате времени при его изучении.

§ 2. Религиозный аспект образовательной реформы

Перейдем к анализу содержания и, что самое главное в контексте нашего разговора, способов легитимации проекта образовательной реформы, разработанной Хусаином Фаизхановым. Начнем с общих замечаний об отношении ученого к задачам образования.

Для Фаизханова каждая великая религиозная традиция в среде исповедующих ее народов порождает особые формы образования, которые наилучшим образом отвечают признаваемому соответствующей культурой идеалу человека. Среди принципов, которые должны лежать в основании образовательной системы и которые конкретизируют идеал образованного человека в согласии с традицией российского мусульманства, можно выделить и усвоение науки (в форме *научного образа мысли*), и воспитание свободного характера ответственного гражданина, и приобретение прикладных навыков (т. е. умения поставить свои знания на службу обществу), и формирование динамичного духа, устремленного вперед и способного примирять старое с новым.

Не случайно, что в начале своего сочинения «*Ислах мадарис*» («*Реформа медресе*»¹), упомянув о соревновании представителей народов России (в частности, татар и русских) в области просвещения друг с другом, Фаизханов подчеркивает *гражданскую* принадлежность татар-мусульман, их чувство родины, а также факт их непрестанного общения с «соотечественниками, друзьями и соседями» — русскими. Для того чтобы взаимодействие российского мусульманства и русских было более продуктивным, а татары-мусульмане, могли внести более значительный вклад в это общее просветительское соревнование с соотечественниками², им требуются современные школы, в которых реализовывалась бы система образования, выражающая и преобразующая народную жизнь в отсутствие бесплодного подражания чуждому, идет ли оно с Востока или с Запада. Отсюда проистекает важность обучения детей на родном языке (для татарских детей — и на татарском, и на русском), представляющим собой сокровищницу исторического опыта.

Бесплодному *подражанию* (*таклиду* в широком смысле слова³) Фаизханов противопоставляет творчество, едва ли возможное без *творческого*

---

¹ В рамках подготовки к печати критического издания «Ислах мадарис» мной было принято решение ввести в научный оборот иное название работы Х. Фаизханова. Более подробно см. предисловие и саму работу: *Фаизханов, Хусаин*. Высшее медресе / под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.: ИД «Медина», 2023. 146 с.

² Состязание на ниве постижения окружающего мира, безусловно, можно рассматривать как один из видов состязания в благом, о котором сказано: «Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, но (Его замысел в том), чтобы разделить вас и испытать тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах» (Коран, 5: 48).

³ Разумеется, под *таклидом* Фаизханов и Марджани понимают не любое продолжение традиции и не любое заимствование у предков, а именно некритическое подражание, лишенное

же *заимствования*, сам факт которого указывает на достаточную широту души человека (народа, религиозной общины), готовой к усвоению того, что не было создано им самим. Этот стиль усвоения значимого содержания, взятого даже из «чужого» источника, умение конкретизировать общечеловеческое в национально-религиозных границах без утраты самостоятельности и самобытности свидетельствуют о высокой культуре народа. Мыслитель прекрасно понимал, что предание, не превратившееся в музейный экспонат, живет наиболее интенсивно в обновлении, реконструкции, реформе, то есть в упомянутых воплощениях творческих усилий народа. Другими словами, предание для него не в прошлом, а в точке сопряжения прошлого, настоящего и будущего: оно всегда *предстоит* нам и осуществляет себя в ответах на исторические вызовы. Где будут подтверждения этим общим и вместе с тем политически весомым высказываниям, сформулированным в современной терминологии?

Фаизханов понимал, что культурное предание волжских татар и российского мусульманства в целом¹ вполне позволяет им поучаствовать в благом соревновании на ниве просвещения. Он отмечал традиционно высокий уровень грамотности татар-мусульман, отсутствие среди них небрежности по отношению к знанию, какой-либо невнимательности и «природной неспособности». Он также подчеркивал, что татарские юноши, которые все-таки обучались тогда в незначительном количестве в Казанском университете, нисколько не отставали от своих русских товарищей в учебе. Однако в силу отсутствия хорошо организованного среднего образования, предполагающего изучение как родного языка и истории², так и русского языка (чему неизменно противились кадимисты и их предтечи, выступавшие самозванными «хранителями традиции») и истории, соответствующие разделы университетского курса давались им с гораздо большим трудом.

Многих это отпугивало от получения высшего образования, многие другие отказывали себе в такой возможности из-за расхожих в то время религиозных предрассудков, согласно которым на обучение детей языку немусульман существовал запрет. Во всяком случае ситуация не способствовала формированию широкого слоя образованных татар-мусульман, а без него российское мусульманство было лишено плодородной среды для выращивания отдельных дарований. Молодой человек был вынужден либо становиться купцом (а без соответствующих

конкретизации и творческого усилия, а значит, ведущее к обесмысливанию унаследованных форм.

¹ Известно, какую большую роль дагестанские улемы сыграли в возрождении татарского образования после падения Казани и последующей ликвидации системы городских мусульманских медресе.

² «История преподает нам уроки, опыт, она совершенствует наш ум. Поэтому многие великие ученые писали исторические сочинения. Каждому народу особенно полезно знать историю своих предков». — Фаизханов Х. Послание (Рисала). С. 251.

знаний технического и экономического характера он все больше проигрывал в предпринимательской гонке), либо идти по пути традиционного духовенства, ригидная система образования которого препятствовала развитию человеческих талантов.

Фаизханов понимал, что такой узкий спектр профессиональной подготовки членов общины не обеспечивает ее культурного процветания. Подобно русским товарищам, молодые татары-мусульмане должны иметь возможность находить свое призвание во всех значимых социальных сферах: хозяйстве, гражданской жизни и праве, науке, религии и т. д. Поэтому для них должны быть открыты двери университета¹ — не просто в формальном смысле слова, но и в плане реальной готовности учиться там. Как человек, хорошо знакомый с университетской средой, Фаизханов разработал такую образовательную систему медресе, которая должна была облегчить приобретение российскими мусульманами высшего образования, а также формирование слоя интеллигенции. При этом его аргументация в пользу реформы образования носила именно теологический характер.

Он начинает с указания на отношение ислама к приобретению знания *par excellence*. Вопреки стереотипному представлению, ислам, как подчеркивает Фаизханов, «повелевает приобретать знание и образование», о чем свидетельствует множество аятов Благородного Корана и пророческих преданий². Даже в области религиозного права незнание само по себе не может считаться оправданием. Речь, однако, не идет о приобретении знания исключительно религиозного характера — полноценная жизнь человека в обществе, включая выполнение им религиозного долга, требует познаний и в светских дисциплинах. Не случайно, как замечает Фаизханов далее, ислам не признает института монашества и в рамках доминирующей традиции с подозрением смотрит на крайний аскетизм или странничество, характерные для некоторых суфиев. Другими словами, умеренное, «срединное», нейтрально-позитивное отношение к мирской жизни, если она, конечно, не превращается в самоцель и не становится своего рода абсолютом³, не является чем-то чуждым исламу.

Фаизханов продолжает, напоминая, что религиозно оправданным в исламе является изучение не только религиозных наук. В противном случае известный хадис: «Ищите знание, даже если оно в Китае, так как получение знаний является фардом (обязательным) для каждого мусульманина. И ангелы расстилают свои крылья под ноги ищущего знаний», — не упоминал бы о Китае — стране высокой интеллектуальной культуры

¹ Понятно, что Фаизханов не призывал всех мусульманских юношей получать высшее образование, однако такая возможность для них должна была существовать.

² Фаизханов, Хусаин. Высшее медресе / под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.: ИД «Медина», 2023. С. 119.

³ Что парадоксальным образом «обожествляет» мирское и мешает ему оставаться мирским.

во времена пророческой миссии, но чуждой в плане религии. Подчеркнем, что и *мухаддисы* из числа тех, кто отрицает достоверность данного хадиса, признают благо в изучении светских наук, если они идут на пользу (*маслаха*) общине.

На пользу общине, согласно Фаизханову, может пойти любое знание, даже самое, казалось бы, отвлеченное, если это действительно знание, а не идеология, выдающая себя за знание¹ («пустые и необоснованные идеи», претендующие на «спасительный», «сокровенный» статус). Невозможность установить меру полезности знания заблаговременно предполагает опыт знакомства с соответствующими дисциплинами и отказ от придания знанию тех функций, которыми оно принципиально обладать не может. Для того чтобы проиллюстрировать свою мысль, Фаизханов различает в рамках изучения звезд астрономический и астрологический подходы: изучать звезды не напрасно — напрасно пытаться определять по ним собственную судьбу, то есть превращать астрономию в астрологию. Он пишет:

«Еще в одном хадисе говорится: “Изучайте науку о звездах в той мере, чтобы определять путь в море и пустыне, и определять время; и оставьте то, что сверх этого”. Слова “оставьте то, что сверх этого” связаны с тем, что люди, занимавшиеся этой наукой в те времена, ошибочно полагали, что все события на Земле естественным образом происходят от звезд. А также эти слова означают запрет верить в то, что по звездам можно узнать будущее, счастье и несчастье. То есть изучайте то, что необходимо и для этой жизни, и для будущей, и не расточайте время, увлекаясь сверх того пустыми и необоснованными идеями»².

Можно сделать вывод, что любая исследовательская деятельность дозволена — главное не превращать астрономию (или ее аналог в иной предметной области) в астрологию (*псевдонаучный двойник некоей научной дисциплины*). Из этих соображений вытекает, что важнее всего для ученого — сама культура мышления, то есть следование правильному методу³ в свете понимания его достоинств и ограничений. Свой тезис Фаизханов подтверждает ссылкой на исторический пример, а именно на то, что в период Аббасидского халифата на землях под управлением династии Саманидов или Сельджукидов в городских медресе изучались все естественные, точные, гуманитарные, а также, разумеется, религиозные науки своего времени:

¹ Разумеется, речь не о любой системе идей, а именно о той, которая, будучи лишена познавательного содержания, претендует на авторитет знания и под предлогом этого достигает целей, с познанием никак не связанных.

² Фаизханов, Хусаин. Высшее медресе. С. 119.

³ См. его замечание о методе в: Фаизханов Х. Послание (Рисала). С. 242–243.

«...если мы объединимся с целью просвещения народа, усиления нашей религии и будем еще более стараться с искренними намерениями и твердым желанием, то, надеясь на милость Аллаха, мы можем и впредь добиваться таких успехов и сможем стать причиной счастья нашего народа в обоих мирах»¹.

В чем же тогда основная причина упадка образования в среде российского мусульманства во времена Фаизханова? Он начинает рассуждение с элементарного утверждения, что в общем и целом каждому человеку дороги его религия и нация (употребляет именно понятие «нация»²). В той же мере ни один человек не пожелал бы такой ассимиляции, которая привела бы его или его потомка к утрате религии и нации. При этом простой народ к сути религии относит многие такие вещи, которые связаны с нею исключительно внешним и случайным образом: народный быт, привычки, местные обычаи. Как бы они ни были ценны, они могут меняться. Непонимание различия того, что подлежит изменению, и того, что ему не подлежит, заставляет традиционное религиозное сообщество бояться любых изменений и в каждом из них видеть угрозу для традиции. Подобно исламским модернистам, Фаизханов крайне четко обозначает данное принципиальное различие.

Страх ассимиляции и смешение религиозного ядра с исторически относительными культурными артефактами препятствуют как культурному развитию, так и религиозному самосовершенствованию. Согласие российских мусульман ради сохранения религии оставаться в невежестве вызвано предрассудками, необоснованным приравниванием незнания к вере, мнением, что изучение тех или иных светских наук и русского языка противоречит религии. Следовательно, первоочередной задачей для Фаизханова является демонстрация их принципиальной совместимости как на теоретическом уровне, так и на практическом. На практическом уровне в главном это предполагает открытие школы, гармонично совмещающей в своей программе дисциплины религиозного и светского круга (особый акцент Фаизханов делает на основах медицины, имеющей насущное значение для общины³), благодаря чему среди мусульман постепенно распространится знание и просвещение⁴. Этому (1)⁵ закономерно предшествует теоретическая деконструкция и практическая ликвидация устоявшегося школьного порядка,

¹ Фаизханов Х. Послание (Рисала). С. 234.

² Разбор ключевых фаизхановских терминов и возможных вариантов их передачи на русский язык будет осуществлен в одной из следующих работ.

³ Дело в том, что многие мусульмане того времени в силу упомянутых выше предрассудков крайне подозрительно относились к русским врачам и с неохотой обращались за помощью.

⁴ Фаизханов, Хусаин. Высшее медресе. С. 132.

⁵ Перечислим основные пункты педагогического проекта Фаизханова. В этой концептуальной реконструкции мы вполне солидарны с философом и теологом, профессором Анкарского университета Ибрагимом Марашем.

что немыслимо без обращения к религиозным доводам, которые способна воспринять мусульманская публика.

Следующим пунктом фаизхановского проекта является (2) расположение в курсе обучения предметов от простых к сложным. Учебные предметы не должны ни демотивировать ребенка своей недоступностью¹, ни даваться ему слишком легко, поскольку, в противном случае, ребенок не будет ощущать необходимой для развития творчества и самодисциплины дистанции между целью и непосредственным результатом усилия. Они должны даваться ребенку, предвосхищая овладение более сложными задачами. Тогда правильно организованная последовательность предметов поможет ребенку извлечь максимум пользы от образовательного процесса. Введение (3) системы экзаменов также способствует вниманию ребенка к собственному прогрессу в той или иной области.

Еще одним пунктом проекта является (4) написание учебников и преподавание части предметов на татарском языке². Это очевидным образом способствует наиболее продуктивному использованию языкового мышления («чувства языка», как говорит Фаизханов) ребенка, а также доказывает ребенку и родителям, что становление современного человека не требует отказа от родной речи и что школа не преследует цели полной *ассимиляции* ребенка. Однако такая школа, вне всяких сомнений, предполагает *интеграцию* ребенка, а значит, (5) введение русского языка и преподавание части предметов (светского цикла) на русском языке как более терминологически развитом на тот момент для передачи соответствующих знаний³. Кроме того, нельзя быть полноценным членом общества, не зная языка, на котором правительство выпускает все свои постановления и законы; изучение русского языка, наряду с татарским, помогает более осмысленному пониманию и структуры родной речи. С другой стороны, преподавание грамматики русского языка первоначально на татарском языке помогает лучше усвоить правила русского языка⁴.

Два последних элемента проекта Фаизханова — забота о (6) соответствии учебных зданий условиям обеспечения здоровья обучающихся⁵ и (7) специализация преподавателя по каждому предмету:

---

¹ Фаизханов выступает против чрезмерно сложных уроков как не отвечающих самой сути педагогической задачи: методы преподавания должны укреплять понимание ученика, а не тщеславие преподавателя. Попытку за 1–2 урока объяснить тему, которая требует 2–3 недель, он сравнивает с попыткой «скормить шакирду одновременно, за один день, десятидневный запас еды. Если вместо этого помаленьку, последовательно объяснять, то пользы для шакирды было бы больше, и усваивал бы он легче». — Фаизханов Х. Послание (Рисала). С. 238.

² Для этого сам Фаизханов подготовил «Краткую учебную грамматику татарского языка» в период, когда литературный татарский язык находился лишь на начальной стадии формирования. См. ее перевод: Фаизханов Х. Краткая учебная грамматика татарского языка; Фаизханов А. Краткая научная морфология татарского языка. М.: ИД «Медина», 2022.

³ Мыслитель упоминает среди них естествознание, географию, европейские языки и медицину.

⁴ См.: Фаизханов Х. Послание (Рисала). С. 249.

⁵ Таким образом, Фаизханов одним из первых указал на важность гигиенических требований и санитарных норм для учебных заведений.

«...во-первых, и это несомненно, каждая наука и каждый предмет — это отдельное искусство. Если человек овладевает мастерством в одном из искусств, то оно будет мешать, вытеснять его умения в других областях. Об этом писал мудрый Ибн Халдун в книге “Мукаддима”¹. Во-вторых, предположим, что мударрис — исключительный человек, знаток всех наук. Но как он сможет на должном уровне преподавать уроки по такому большому количеству книг шакирдам, отличающимся друг от друга и способностями, и уровнем? Это тоже выходит за рамки возможного. В результате приходится давать уроки с очень большим интервалом, а в ожидании своей очереди жизнь шакирдов проходит зря»².

Вместе с тем просветитель критиковал систему образования в медресе того времени за то большое внимание, которое уделялось в ней изучению логики и философии в ущерб шариатским наукам. В своем «Рисала» он отмечал, что логика — это прежде всего прикладная дисциплина, преподавание которой должно быть максимально ориентированным на практику и не отнимать у ученика по 5–6 лет или в лучшем случае по 2–3 года, как это имело место. В одном из писем к Ш. Марджани Фаизханов утверждал, что «логика как наука у европейцев свободна от религиозной философии», в отличие от России, и «поскольку она посвящена конкретно логике, то и воспринимается намного легче, да и приведенные доводы выглядят простыми и убедительными»³. Эти указания отражают фаизхановские идеи последовательности и четкой предметной определенности образования.

Что касается собственно философии, то ее преподавание, производимое «как положено», ввиду сложности и принципиального внутреннего многообразия позиций, должно вестись уже в старших классах, после того как ученик освоил на достаточном уровне хадисы и шариатские дисциплины (‘улум шар’ийа). В противном случае она может быть воспринята как идеология вседозволенности и неверия — невежество в философии, не осознающее себя в качестве невежества, особенно губительно. Другими словами, ученик должен иметь уже достаточно зрелое мышление, чтобы уметь сравнить исламские дисциплины и философию. Так, в «Основах преподавания», которые отличаются от «Ислах мадарис» и «Рисала» лишь несколькими добавочными сведениями, он указывает, что приступать к философии следует лишь на шестой ступени обучения из восьми⁴.

¹ О влиянии Ибн Халдуна (1332–1406) на историческую концепцию Фаизханова см. Хабутдинов А. Ю. Ибн Халдун и Хусаин Фаизханов: методология исторической науки и анализ современности // Фаизхановские чтения. 2011. № 8. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5098>

² Фаизханов Х. Послание (Рисала). С. 236.

³ Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани. С. 86.

⁴ См. в: Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. С. 117.

Наиболее показательным примером стиля рассуждения Фаизханова, известного по дошедшим до нас рассказам о его жизни, является система аргументов ученого в споре с одним из лидеров кадимистов¹ того времени — Исмаилом б. Мусой из Кышкара. Об этом споре, как мы отмечали ранее, упоминает в своем *«Вафиййат...»* Марджани. Приведем его краткое содержание.

Исмаил б. Муса отвергает реформу медресе, поскольку убежден, что изучение языка «неверных» под запретом. В ответ, настаивая на необходимости знать язык законов государства (светский аргумент), Фаизханов ссылается на хадис (религиозный аргумент), переданный Зайдом б. Сабитом ал-Ансари, согласно которому пророк Мухаммад повелел тому изучить язык иудеев. Двумя другими хадисами, к которым апеллирует Фаизханов, был уже упомянутый хадис о Китае и высказывание, согласно которому *«мудрость — это предмет исканий верующего, который стяжает ее там, где найдет»*². Помимо прочего, изучение иностранного языка (в данном случае — русского) помогает предупредить попытки опровержения исламской религии со стороны миссионеров³.

Кроме того, теолог отвергает хадис о запретности изучения «языка неверных», который цитировал его оппонент, как недостоверный по иснаду (цепочке передатчиков). Также, демонстрируя при этом превосходные знания в такой науке, как *‘илм ал-хадис* (хадисоведение), Фаизханов показывает, что упомянутое предание сомнительно по самому матну (тексту). Он критикует идею «языка неверных» в целом, поскольку, если речь идет о таком языке, на котором разговаривают только немусульмане, русский язык не таков. Если речь идет о таком языке, на котором говорят некоторые немусульмане, то таков фарси — язык не только мусульман, но также и зороастрийцев, и некоторых иудеев, а дозволенность изучения фарси ни у кого не вызывает сомнения⁴. В то же время некоторые язычники говорят на тюркском языке, родственном татарскому и вполне понятному его носителю, но из этого

---

¹ Можно сказать — с протокадимистом, поскольку он лишь выражал господствующую точку зрения, но никак не позиционировал себя в борьбе с оформившимся джадидским мышлением. Тем не менее его взгляды вполне соответствуют образу мысли более поздних кадимистов, тогда как в словах Фаизханова «свернут» более поздний джадидизм, возникновение которого обычно связывают с Исмаилом Гаспринским, творившим на двадцать лет позднее.

² Фаизханов, Хусаин. Высшее медресе. С. 121.

³ Фаизханов подчеркивает, что защита ислама от нападок немусульман и предупреждение об опасности перехода в другую веру невозможны без изучения языка тех, кто пытается склонить к этому мусульман. Изучение русского языка в то время помогло бы образованным мусульманам заранее ознакомиться с литературой православных миссионеров и разработать контраргументы против наиболее популярных миссионерских доводов.

⁴ И главное: значительной частью носителей самого арабского языка являются немусульмане, как отмечает Фаизханов. Речь, например, о маронитах, коптах, православных арабах и иудеях, которые проживали в арабских странах.

не делается вывод о запретности тюркского языка¹. Исмаил б. Муса не нашелся, что ответить, и после того, как Фаизханов покинул дом его зятя, где состоялся спор, сказал присутствовавшим там, что «этот человек переговорит даже шайтана»².

§ 3. Идея относительно мусульманской элиты

Мы видели, что, рассуждая о необходимости образовательной реформы, Фаизханов непротиворечиво сочетал аргументы секулярного и религиозного характера, причем, обращаясь к первым, он также давал им религиозные обоснования. Пришла пора рассмотреть вопрос о том, что должно было стать результатом фаизхановской реформы, а именно — его концепцию создания мусульманской элиты нового типа.

Во-первых, согласно Фаизханову, такого рода элита должна быть национальной. Следовательно, у каждого мусульманского народа должна была возникнуть своя элита, не забывающая о важности *сверхнационального* религиозного начала и о приобщении народа к *общекультурному* контексту. Во-вторых, она должна быть в известной мере светской. Формально Фаизханов разделяет учеников медресе на две группы — шакирдов шариатских наук и шакирдов светских наук, которые сначала в течение нескольких лет обучаются совместно (и, помимо русского, татарского, персидского и арабского языков, основательно изучают Коран), а лишь потом разделяются по специализации.

Стоит подчеркнуть, что шакирды шариатских наук также должны изучать светские дисциплины (фельдшерское дело, математику, включая геометрию, и т. д.) и русский язык (за исключением последних двух лет из пяти), а шакирды светских наук — центральные общерелигиозные темы (как мы уже упоминали, Коран) и арабский язык. Последние должны иметь как формальную, так и реальную возможность поступить в университет на интересующее их направление. О необходимости формирования именно такой элиты Фаизханов говорит в одном из писем к Марджани:

«Эти шакирды, получившие мусульманское образование, с душами, освещенными верой, после окончания университетов смогут оказать большую пользу исламской религии»³.

¹ Фаизханов говорит еще о *тюркском языке*, рассматривая те или иные тюркские языки в их современной трактовке как его наречия.

² См. рассказ целиком в: *Марджани, Шихабутдин*. Мулла Хусаин Фаизхан: биографический очерк. С. 95–100.

³ Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани. С. 119–120.

Отчасти представления Фаизханова относительно должных качеств мусульманской элиты раскрываются в той трактовке, которую он дает периоду правления халифа Усмана (644–656). Ученый был не согласен с идеализацией халифа, во время правления которого в исламском мире начинается политическая смута. По его мнению, любой из пяти членов шуры (совета), оставшихся после халифа Умара (прав. 634–644), был более достоин халифата, чем Усман.

Мыслитель выделяет три возможных типа превосходства: по духовно-этическим качествам («моральное превосходство»), по числу совершенных добрых дел и по соответствию личности ее социальной роли (в данном случае — должности халифа). Он исходит из того, что даже если Али (прав. 656–661) был совершеннее Абу Бакра (прав. 632–634) в силу таких «прекрасных человеческих качеств», как доброта, терпение, смирение, милосердие и т. д., то Абу Бакр все равно был более удачным выбором на роль халифа, так как он был ближе к народу, пользовался большим авторитетом и не дал арабам после смерти пророка Мухаммада впасть в отступничество. Фаизханов сомневается в том, что более кроткий по характеру, аскетичный, ученый Али сумел бы удержать общину единой, если бы стал первым халифом. Абу Бакр наиболее соответствовал должности халифа.

Фаизханов подчеркивает, что из двух человек (претендующих стать правителем или ученым) превосходством обладает не тот, кто больше другого помогал сиротам, бедным, был благочестивее. Им обладает тот, кто как правитель возвысил ислам или же как ученый написал книгу, которая помогла многим людям увидеть достоинства религии. При этом такой человек может уступать другому в личном благочестии. Иными словами, *маслаха* — общая польза — имеет преимущество перед индивидуальными духовно-этическими качествами¹.

Коротко говоря, у Фаизханова не было претензий к правлению халифа Абу Бакра. Он также одобрял избрание по его рекомендации халифа Умара, отмечая лишь некоторую фанатичность последнего. Тем не менее в общем и целом Умар продолжил линию первого халифа и сделал много прекрасных дел во славу ислама.

После него, по мнению Фаизханова, не было никого лучше Али, обладавшего преимуществами личного характера. Он не менее Усмана подходил на должность правителя по необходимым для того качествам

---

¹ См. суждение крупного джадидского мыслителя М. Бигиева, развивающего в том же направлении идеи средневекового маликитского правоведа Абу Исхака аш-Шатиби (ум. 1388): «Маслаха может являться доводом для решений относительно незначительных проблем. В том случае, когда принятие того или иного решения шариатом непременно приведет к определенной социальной пользе, то принятие такого решения во имя общественной пользы — *маслаха* будет верным шагом. Ведь на самом деле вся значимость небесных или мирских законов сводится лишь к наличию в них какой-либо социальной пользы». — Бигиев М. Основы шариата. М.: ИД «Медина», 2022. С. 147.

и умениям, он не уступал ему в добрых делах, но, согласно Фаизханову, явно превосходил по духовно-этическим характеристикам и познаниям в религии. Мнение, что Али был более достоин халифата по сравнению с Усманом, Фаизханов разделял с Ш. Марджани¹, однако это не было связано с какими-то их криптошиитскими установками, поскольку их оценка имела вполне допустимое в рамках суннитской традиции обоснование.

Примечательно, что, по убеждению Фаизханова, при рассмотрении проблемы халифата значение имеет лишь мера соответствия личности ее социальной роли. Два других вида совершенства, при всей их значимости, бесполезны в рамках обсуждаемого вопроса. Подчеркнем, что ученый не считает, будто бы разные виды совершенства обязательно противоречат друг другу, однако если кто-то превосходит другого в степени соответствия должности, то при прочих равных условиях (или почти равных, поскольку в другом отношении этот «кто-то» может даже уступать) именно он означенной должности и достоин. Простой и абсолютно понятный критерий, использование которого, однако, бросает вызов устоявшимся в исламской традиции авторитетам именно своей свободной рациональностью. Это позволяет согласиться с отечественным исследователем Л. И. Тухватуллиной, отмечающей известного рода ренессанс перипатетических установок в творчестве Фаизханова, наряду с К. Насыри и Ш. Марджани:

«Главная тенденция в трактовке всего спектра мировоззренческой проблематики определялась провозглашением ими [Х. Фаизхановым, К. Насыри и Ш. Марджани] приоритета знания, разума, образованности и науки: «Наука есть абсолютное совершенство, принадлежащее достоинствам обладателя знания». Здесь примечательно возвращение на новом уровне к идеям перипатетизма»².

Не случайно, что Фаизханов, признавая существенным для обсуждения проблемы халифата лишь совершенство в *третьем смысле*, исторически относил данный вопрос к области *акиды*³ (вероучения), а не

¹ Ш. Марджани писал: «И даже будучи таким великодушным и добрым, пользуясь уважением народа, как Абу Бакр, Усман (да будет доволен им Аллах!) не был достоин быть халифом. В политике и управлении он был слабее остальных трех халифов, члены совета были сильнее его» — цит. по: Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. С. 331. См.: Ал-Хикма ал-балига ал-джаннийя фи шарх ал-акаид ал-ханафийя. Казань, 1888. Типография М. Г. Вячеслава. В этой же работе он отмечает, почти дословно повторяя Фаизханова, что главным критерием в данном вопросе является «соответствие занимаемой должности правителя и халифа».

² Тухватуллина Л. И. Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX — начало XX века. Казань: Татарское книжное издательство, 2003. С. 103.

³ Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани. С. 183.

фикха (права). В данном случае он не столько выражал личное отношение к природе халифата, сколько констатировал факт. Именно политические разногласия послужили основанием для раскола мусульманской общины на хариджитов, шиитов и суннитов. Уже в сочинении *Ал-Фикх ал-Акбар* («Величайшее знание») имама Абу Ханифы (699–767) было сказано: «Лучшие люди после Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) — это Абу Бакр ас-Сиддик, затем Умар ибн Хаттаб ал-Фарук, затем Усман ибн Аффан Зу-н-Нурайн и затем Али ибн Абу Талиб ал-Муртада — да будет Всевышний Аллах ими доволен!»¹ Аналогичный по смыслу отрывок можно найти в его же *Ал-Васыййа*, где сказано: как *первейшие*, они наиболее *приближенные* (в том же самом порядке)². В *Акида ат-Тахавиййа* вопрос о степенях совершенства халифов также включается в исповедание веры:

*«Мы признаем халифат после Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует), и сначала — Абу Бакра ас-Сиддика. Затем — Умара бин ал-Хаттаба. Затем — Усмана бин Аффана. Затем — Али бин Абу Талиба. Они — халифы праведные, указывающие на верный путь (“хуляфа ар-рашидун”), и предводители, находящиеся на правильном пути»*³.

Фаизханов полагал⁴, что расхождение в этом вопросе не может быть серьезным основанием для обвинения мусульманина в неверии. Так, в одном из писем к Марджани он отмечает:

*«Мы получили Ваше письмо, написанное в конце февраля, и копию сочинения о том, что великие имамы, предшественники не обвиняли в неверии никого из людей Киблы. Несомненно, этот текст достоин того, чтобы его написали на золотой скрижали. Мы были счастливы, когда получили его. Да наградит Вас Аллах. Действительно, улемы нашей уммы напоминают пророков бани Исраил. До чего же они милостивы творениям Аллаха»*⁵.

¹ Рустам Батыр. Абу-Ханифа: жизнь и наследие. Ч. 1 / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород–Ярославль. ИД «Медина». 2007. С. 247.

² Там же. С. 242.

³ Цит. по: Гайнутдин Р. Облегченные комментарии к книге *Ал-Акида ал-Тахавиййа* // Гайнутдин Р. Ханафитская акида. М. — Н. Новгород: ИД «Медина», 2012. С. 135.

⁴ Выдающийся египетский мусульманский реформатор Мухаммад Абдо, крупнейшая фигура исламского модернизма, в своем известном труде об акиде также отмечал, что разногласия между различными историческими толками ислама возникли при третьем халифе. Со временем обсуждение проблемы халифата, как с сожалением отмечает Абдо, стало вестись с той же горячностью, что и обсуждение проблем веры в строгом смысле слова: «Что касается воззрений на власть халифов, то и их обсуждали [столь же усердно], как и вероучения, — так, будто власть является основой исламского вероубеждения». — Абдо М. Трактат о единобожии. М.: ИД «Медина», 2021. С. 34.

⁵ Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани. С. 155.

Другими словами, истинную беду мусульманской общины он видел в склонности к расколам и в отсутствии умеренности. Элиты нового типа, таким образом, должны служить проводниками умеренности и образованности, работая на общую пользу общины. В связи с этим светские ученые, имеющие традиционную исламскую подготовку, оказываются, по его мнению, столь же важны, сколь и дисциплинарно подготовленные теологи.

Таким образом, Хусаин Фаизханов был одним из первых мусульманских интеллектуалов России, который в полной мере осознал особенности нового исторического периода — модерна. Он был убежден, что в эпоху становления современных наций¹ мусульманские элиты с необходимостью должны включиться в этот процесс — процесс, который в любом случае состоится (и, как нам известно, состоялся), однако с большим или же меньшим влиянием исламской традиции. Мыслитель сам принял активное участие в составлении грамматики родного языка, то есть в конечном счете в формировании литературной нормы, в научном осмыслении истории народа с точки зрения истории государственности² и в разработке образовательной системы, отвечающей на вызовы времени созданием новой мусульманской светской элиты.

Заключение

Идеи Х. Фаизханова находят отклик в словах Р. Фахретдина из его биобиблиографического труда «Асар»:

«Ученые люди заблуждались, сходили с истинного пути не по причине знания и наук, а по каким-то другим причинам. Если образованный человек прыгнет с забора по причине несчастной любви, то нелогично считать причиной этого его образование. Необходимо правильно сопоставить ошибки, заблуждения по причине обучения и ошибки по причине невежества»³.

Безусловно, Х. Фаизханов был не первым в нашей стране светски образованным мусульманином, однако он стал первым академическим ученым из числа российских мусульман-теологов. Фаизханов сотрудничал с выдающимися российскими востоковедами — А. К. Казембеком, В. В. Вельяминовым-Зерновым, Б. А. Дорном, Н. И. Веселовским,

¹ Таков один из характерных исторических маркеров модерна.

² См.: Мухетдинов Д. В. Историческое наследие Хусаина Фаизханова // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 2. С. 27–46.

³ Фахретдин Р. Хусаин Фаизханов (отрывок из биобиблиографического труда «Асар») // Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани. С. 201–202.

В. В. Григорьевым и др. Его конкретные исследования этногенеза татар, вклад в лингвистику, археографию, историю существенно обогатили отечественную и мировую науку¹.

Настоящая статья призвана осветить другой аспект его творчества, интересный не только специалистам в конкретных дисциплинах, но и всем, кому небезразлична история мусульманского просвещения в России. Она имеет целью показать религиозное измерение его образа мысли — отметить, что, даже не будучи теологом по «роду своих профессиональных занятий», всю свою жизнь муллы Хусаин Фаизханов работал одновременно в поле теологии и востоковедения. М. А. Усманов справедливо охарактеризовал его как первого татарского просветителя.

Кроме того, Фаизханов — это «важное имя в развитии татарского джадидизма»². Если отказаться от односторонней интерпретации, в которой он предстает как зависимая от Марджани фигура, и принять более нелинейную версию³, то становится очевидным, что Фаизханов был первым, кто теоретически обосновал необходимость введения в мусульманское образование естественных наук⁴. Наряду с Марджани и младшим братом Абделаллямом Фаизхановым (1850–1910), он внес огромный вклад во внедрение в образовательную систему родного языка.

Красноречивее всего о его вкладе в теорию образования высказался в своем письме к Калимулле Аминову от 9 декабря 1866 г. Марджани, так охарактеризовав фаизхановское сочинение *Рисала*:

«Что касается моего мнения, то люди, по двадцать лет обучавшиеся в Бухаре, затем еще двадцать лет преподававшие здесь, внимательно прочитав эту книгу, могли бы извлечь из нее такие знания, о которых не мечтали все их предки-пращуры, вместе взятые. Что поделаешь! Невежественные,

---

¹ Они подробно рассмотрены в книге М. А. Усманова «Заветная мечта Хусаина Фаизханова» (Усманов М. А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности: монография / Моск. ислам. ин-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; науч. ред., авт. вступ. ст., коммент. Д. М. Усмановой. М.: ИД «Медина», 2023.) и в нашей работе — «Хусаин Фаизханов — классик татарского просвещения, истории и педагогики».

² Мараши И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Казань: Иман, 2005. С. 52.

³ Построенную, в частности, на том основании, что целые куски текста из работ Фаизханова были в дальнейшем включены в работы самого Марджани, а также на том, что именно педагогический проект Марджани зависел от идей Фаизханова, а не наоборот.

⁴ Отчасти идеи Фаизханова были использованы в нереализованном проекте образовательной реформы, предложенном первым муфтием ОМДС Мухаммеджаном Хусаиновым. Тем не менее будет ошибкой утверждать, что муфтий представил столь же проработанное, как фаизхановское, теоретическое обоснование своего варианта реформы. О его проекте см.: Мухитдинов Н. К. Проекты организации средней школы европейского типа для татар в XIX веке // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9–10. С. 110–114. Как видно из анализа этого проекта, муфтий недооценивал собственно национальный компонент в образовательной реформе. Между тем нам представляется, что учет национального и местного контекстов в процессе разработки образовательной реформы не делает проект Фаизханова менее религиозно фундированным. Скорее, Фаизханов видел определенный религиозный смысл в сохранении допущенного Всевышним многообразия культур и народов и, во всяком случае, не считал, что учет национальных особенностей противоречит религиозным основаниям проекта.

завистливые люди, не вникая в истину, злонамеренно распространяют клевету, к справедливым [людям] относятся враждебно»¹.

Столь же примечательны слова А. Фаизханова, написанные им в 1893 г.² в книге «Мухаррик ал-афкар»³, в которых он говорит о том, что в современных ему процессах он наблюдал победу идей брата. При жизни Х. Фаизханова татарское общество было еще не готово к пониманию глубины его проектов. Спустя двадцать лет Гаспринский воплотил в жизнь идеи, предложенные Фаизхановым⁴.

Сказанное выше позволяет зафиксировать первенство идей Фаизханова по отношению к таковым Гаспринского, хотя в силу понятных исторических обстоятельств проект последнего оказался более известным и влиятельным в социальном плане. Суть этих идей — демонстрация тесной взаимосвязи проблемы национального образования и образования личности. Подлинное творчество в рамках национальной самобытности возможно только на пути причастности нации *сверхнациональным* задачам, т. е. в связи с воплощением тех неисчерпаемых ценностей, которые заповеданы всем людям, включая бесконечное совершенствование познания. Нельзя сказать, что эта задача, как и остальные основные задачи культуры, встают как таковые только перед отдельными нациями — скорее, национальное своеобразие достигается на уникальных путях их решения, определенных особым историческим опытом⁵. К такого рода задачам относятся также утверждение религиозных ценностей в согласии с разумным пониманием всемирно-исторической динамики, приобщение к культуре разных стран и народов без утраты своей самобытности. На наш взгляд, на этом пути религия, как доказывает Х. Фаизханов всей своей жизнью,

¹ Письмо Шахабутдина Марджани Калимулле Аминову // Сафаджай: Династия Хабибуллиных, 200 лет служения людям. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 148.

² То есть после обнародования проекта реформы образования Гаспринского.

³ *Фаизханов Г. Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мысли) / пер. с татар. И. Ф. Гимадеева; вступ. сл. Г. С. Закирова. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. С. 8.*

⁴ См. *Вместо введения* в кн.: *Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В., Сенюткина О. Н. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар. Н. Новгород: Махинур, 2006.* Кроме того, первенство Фаизханова в этом отношении подтверждают такие крупные деятели татарской культуры, как Г. Ибрагимов и А. Сагди. Первый отмечал, что «он [Хусаин Фаизханов] показал *новое* стремление, приложив [при этом] усилия в обучении по основам старой схоластики». См. отзыв целиком: *Ибрагимов Г. Татарлар арасында революция хәрәкәтләре: 1905. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1925. Б. 29–30.* Текст алынды: *Галимжан Ибрагимов. Әсәрләр. Сигез томда. Т. 7. Тарихи хезмәтләр (1911–1927). Казан: Татар. китап нәшр., 1984. Б. 263–264.* Сагди подчеркивал, что «Хусаин Фаизханов был первым представителем этого движения [за введение европейских основ преподавания в школах], будучи современником К. Насыри и учеником Ш. Марджани». См.: *Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы: дәреслек-кулланма. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926. Б. 62–65.* С ними вполне солидарен советский специалист по истории татарской школы, д-р пед. наук В. М. Горохов (1891–1960): «Пионером реформы медресе следует считать Хусаина Файзханова (умерш. в 1866 г.)». *Горохов В. М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань: Татгосиздат, 1941. С. 62.*

⁵ См. об этом интересное рассуждение русского философа С. И. Гессена (1887–1950) в.: *Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 345–346.*

может служить самым ярким ориентиром для мыслящей личности, вдохновляя ее и придавая ее совершенствованию цель и смысл.

Литература

- Абдо М. Трактат о единобожии. М.: ИД «Медина», 2021. 264 с.
- Бигиев М. Основы шариата. М.: ИД «Медина», 2022. 192 с.
- Гайнутдин Р. Облегченные комментарии к книге «Аль-Акида аль-Тахавийя» // Гайнутдин Р. Ханафитская акида. М. — Н. Новгород: ИД «Медина», 2012. 146 с.
- Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 447 с.
- Горохов В. М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань: Татгосиздат, 1941. 260 с.
- Ибраһимов Галимжан. Әсәрләр. Сигез томда. Т. 7. тарихи хезмәтләр (1911–1927). Казан: Татар. китап нәшр., 1984 с.
- Ибраһимов Г. Татарлар арасында революция хәрәкәтләре: 1905. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1925.
- Мараш И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Казань: Иман, 2005. 199 с.
- Марджани Ш. Ал-Хикма ал-балига ал-джаннийя фи шарх ал-акаид ал-ханафийя. Казань: Типография М. Г. Вячеслава, 1888. 168 с.
- Марджани Ш. Вафиййат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф. [Б.м.], [Б.г.]. 125 с.
- Марджани, Шихабутдин. Мулла Хусаин Фаизхан: биографический очерк / сост. и глав. ред. Д. В. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2023. 112 с.
- Шихабутдин Марджани: сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 494 с.
- Мухетдинов Д. В. Историческое наследие Хусаина Фаизханова // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 2. С. 27–46.
- Мухетдинов Д. В. Теология обновления: исламский неомодернизм и проблема традиции. М.: ИД «Медина», 2023. 736 с.
- Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. 340 с.
- Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов и развитие исторической лингвистики // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3(73). С. 34–43.
- Мухетдинов Д. В. Х. Фаизханов и его взаимоотношения с А. К. Казембеком и Ш. Марджани: опыт переосмысления // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 1. С. 27–46.
- Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани / ред.-сост. Д. В. Мухетдинов. 2-е изд., испр. и дополн. М.: ИД «Медина», 2018. 280 с.

Мухитдинов Н. К. Проекты организации средней школы европейского типа для татар в XIX веке // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9–10.

Письмо Шахабутдина Марджани Калимулле Аминову // Сафаджай: Династия Хабибуллиных, 200 лет служения людям. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 148.

Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М.: «Наука», 1978. 372 с.

Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы: дәреслек-кулланма. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926.

Тухватуллина Л. И. Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX — начало XX века. Казань: Татарское книжное издательство, 2003. 207 с.

Усманов М. А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности: монография / Моск. ислам. ин-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; науч. ред., авт. вступ. ст., коммент. Д. М. Усмановой. М.: ИД «Медина», 2023. 352 с.

Фаизханов Г. Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей) / пер. с тат. И. Ф. Гимадеева; вступ. сл. Г. С. Закирова. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. С. 8.

Фаизханов, Хусаин. Высшее медресе / под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.: ИД «Медина», 2023.

Фаизханов Х. Краткая грамматика татарского языка; Фаизханов А. Краткая научная морфология татарского языка. М.: ИД «Медина», 2022. 240 с.

Фаизханов Х. Послание (Рисала) // Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. С. 230–263.

Фаизханов Х. Реформа медресе (Ислах мадарис) // Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. С. 210–229.

Фахретдин Р. Хусаин Фаизханов (отрывок из биобиблиографического труда «Асар») // Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани / ред.-сост. Д. В. Мухетдинов. 2-е изд. испр. и дополн. М.: ИД «Медина», 2018. С. 195–203.

Хабутдинов А. Ю. Ибн Халдун и Хусаин Фаизханов: методология исторической науки и анализ современности // Фаизхановские чтения. 2011. № 8.

Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В., Сенюткина О. Н. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар. Н. Новгород: Махинур, 2006. 95, [1] с.

Рустам Батыр. Абу-Ханифа: жизнь и наследие. Ч. 1 / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород–Ярославль. ИД «Медина». 2007. 276 с.

References

- Abduh, M. (2021). *Traktat o edinobozhii* [Treatise on the Oneness of God]. Moscow: Medina. 264 p.
- Ibrahimov, G. (1925). *Tatarlar arasynda revoliuciya harakatlere: 1905* [Tatar Revolution Movements: 1905]. Kazan: Tatar devlet neshriyyeti.
- Segdi, G. (1926). *Tatar edebiyyāti tarihi: dereslek-qullanma* [A History of Tatar Literature: A Handbook]. Kazan: Tatar devlet neshriyyeti.
- Faizkhamov G. F. (2006). *Muharrir al-afkar (Dvigatel' mysley)* [A Thought Motor]. Nizhni Novgorod: Mahinur.
- Faizkhanov, Kh. (2014). *Poslanie (Risalya)* [The Message (Risalah)]. Mukhetdinov, D. V. *Khusain Faizkhan — klassik tatarskogo prosveshcheniia, istorii i pedagogiki*. Moscow; Nizhnii Novgorod: Medina. Pp. 230–263.
- Faizkhanov, Kh. (2014). *Reforma medrese (Islakh madaris)* [Madrasah Reform (Islah Madaris)]. Mukhetdinov, D. V. *Khusain Faizkhan — klassik tatarskogo prosveshcheniia, istorii i pedagogiki*. Moscow; Nizhnii Novgorod: Medina. Pp. 210–229.
- Faizkhanov, Kh. (2023). *Vysshee medrese [The Highest Madrasa]*. Moscow: Medina. 146 p.
- Fakhreddin, R. (2018). *Khusain Faizkhanov (otryvok iz biobibliograficheskogo truda "Asar")* [Khusain Faizkhanov (excerpt from biobibliographic work "Asar")]. *Nerastorzhimaia sviaz': pis'ma Khusaina Faizkhanova Shikhabutdinu Mardzhani*. Ed. and comp. by D. V. Mukhetdinov. 2nd ed. Moscow: Medina. Pp. 195–203.
- Gaynutdin R. (2012). *Khanafitskaya akida* [The Hanafi 'Aqida]. Moscow — Nizhny Novgorod: Medina. 144 p.
- Gessen S. I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofi-yu*. [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: Shkola-Press.
- Gorokhov V. M. (1941). *Reaktsionnaya shkol'naya politika tsarizma v otnoshenii tatar Povolzh'ya* [The Reactionary School Policy of Tsarism in Relation to the Tatars of the Volga Region.]. Kazan: Tatgosizdat. 260 p.
- Khabutdinov, A. Yu., Mukhetdinov D. V., Senyutkina O. N. (2006). *Khusain Faizkhanov: u istokov obshchestvennogo dvizheniya musul'man-tatar* [Khusain Faizkhanov: at the Origins of the Social Movement of Muslim Tatars]. Nizhny Novgorod: Mahinur.
- Marash, I. (2005). *Religioznoe obnovenie v tyurkskom mire (1850–1917)* [Religious Renewal in the Turkic World (1850–1917)]. Kazan: Iman. 199 p.
- Marjani Sh. (2023). *Mulla Husain Faizhan: biograficheskiy ocherk* [Mulla Husain Faizkhan: An Outline of Life and Work]. Moscow: Medina. 112 p.
- Marjani Sh. (n. d.). *Vafiyat al-aslaf va takhiyat al-akhlaf* [Details on Predecessors and Greeting to Descendants]. Kazan.

Mukhetdinov D. V. (2023). Istoricheskoe nasledie Husaina Faizhanova [Khusain Faizkhanov's Historical Heritage]. *Islam v sovremennom mire*. 2023. Iss. 2. Pp. 27–46.

Mukhetdinov, D. V. (2014). *Khusain Faizkhan — klassik tatarskogo просвещения, истории и педагогики* [Husain Faizhan as a Classic of Tatar Education, History and Pedagogy]. Moscow; Nizhnii Novgorod: Medina. 340 p.

Mukhetdinov, D. V. (2023). *Teologiya obnovleniya: islamskii neomodernizm i problema traditsii* [Theology of Renewal: Islamic Neomodernism and the Problem of Tradition]. Moscow: Medina. 736 p.

Mukhitdinov N. K. (1930). Proekty organizatsii srednei shkoly evropeiskogo tipa dlya tatar v XIX veke [Projects of Organizing a European-Style Secondary School for Tatars in the 19th Century]. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya*. № 9–10. Pp. 105–156.

Nerastorzhimaia svyaz': pis'ma Khusaina Faizkhanova Shikhabutdinu Mardzhani (2018). [The Unbreakable Bond: Letters from Khusain Faizkhanov to Shikhabutdin Marjani]. Moscow: Medina. 280 p.

Rosenthal, F. (1978). *Torzhestvo znaniya. Kontseptsiya znaniya v srednevekovom islame* [Knowledge Triumphant: The Concept of Knowledge in Medieval Islam]. Moscow: Nauka. 372 p.

Batyr R. (2007). *Abu Hanifa: zhizn' i nasledie* [Abu Hanifa: Life and Heritage]. Nizhni Novgorod: Medina. 276 p.

Pis'mo Shakhabutdina Mardzhani Kalimulle Aminovu [Shakhabutdin Marjani's letter to Kalimulla Aminov] (2007). *Safadzhai: Dinastiya Khajibullinykh, 200 let sluzheniya lyudyam*. Nizhny Novgorod: Medina, 2007. P. 148.

Tukhvatullina, L. I. (2003). *Problema cheloveka v trudakh tatarskikh bogoslovov: konets XIX — nachalo XX veka* [The Human Problem in the Works of Tatar Theologians: the End of the 19th — the Beginning of the 20th Century]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo. 207 p.

Usmanov, M. A. (2023). *Zavetnaia mehta Khusaina Faizkhanova. Povest' o zhizni i deiatel'nosti: monographia* [Cherished Dream of Husain Faizkhanov: A Story of the Life and Activity: monograph]. Moscow: Medina, 2023. 352 p.: ill.

A THEOLOGICAL LEGITIMATION OF KHUSAIN FAIZKHANOV'S PEDAGOGICAL PROJECT

Abstract. This article deals with Khusain Faizkhanov (1823–1866) as an Islamic theologian. This aspect of his thought was rarely studied in numerous publications about his work — his orientalist or pedagogical heritage invariably came to the fore, in isolation from its religious roots. This is not accidental, since the thinker did not leave behind explicit theological works. Nevertheless, the complexity of the problem does not relieve us of the need to solve it. As will be shown below, without understanding the theological dimension of Faizkhanov's thought, essential aspects of his educational activities are also missed. The thinker proposed a kind of theological legitimation of secular knowledge, which was important for him both on a personal level and in the context of social pragmatics. The social consequence of this legitimization, reflected primarily in the project of reform of religious education, was to be the formation of an educated Muslim elite of the modern type.

Key words: tajdid, reform, Jadidism, caliphate, secularity, elite, knowledge.

Damir V. MUKHETDINOV,

Dr. Sci. (Theol.), rector of Moscow Islamic Institute

(12, Kirova Lane, Moscow, 109382, Russian Federation);

Professor of the Faculty of Asian and African Studies of Saint Petersburg State University
(11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

